

© 2017 г.

И.Э. МАГАДЕЕВ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ В 1917 году И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ОЦЕНКАХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России (Москва, Россия).

1917 г. характеризуется исследователями как «поворотный» в истории Первой мировой войны по двум основным причинам: во-первых, вследствие Российской революции в ее двух последовательных, но противостоявших друг другу стадиях (Февраль и Октябрь), во-вторых, из-за вступления в войну США на стороне Антанты в апреле 1917 г. Если ожидаемое, хотя и нескорое, прибытие американских войск на Западный фронт обещало странам Антанты растущее военное превосходство над армиями Германии и ее союзников, то революционные процессы и усиливавшаяся дезинтеграция российской армии заставляли Париж и Лондон задуматься о возможности сохранения Восточного фронта.

Тесная взаимосвязь событий на различных фронтах Первой мировой войны, влияние внешнеполитических и военных факторов на внутривойсковую ситуацию в воевавших странах стимулируют исследователей к интеграции истории международных отношений и «внутренней истории» — военной, социально-политической, экономической¹. Одно из возможных направлений этой интеграции — изучение представлений государственных и общественных деятелей стран-участниц войны друг о друге. «Перекрестная история» может углубить наше представление не только о специфике взаимодействия государств, но и раскрыть новые черты в истории изучаемых стран, подмеченные иностранными обозревателями, но остававшиеся в тени при внутренних оценках. Работы в русле этого направления («имажинологии») ведутся отечественными исследователями².

Статья призвана продолжить разработку указанной проблематики. Ее цель — выявление основных черт и особенностей оценок ситуации на Восточном фронте в 1917 г. со стороны французских военных экспертов, находившихся как во Франции, так в составе миссий в России. Раскрывается эволюция французских оценок Восточного фронта с января по ноябрь 1917 г.³; определяется общее и особенное в них; выявляется степень влияния этих оценок на стратегические решения Парижа. В целом речь идет о попытке представить взгляд «со стороны» на историю Восточного фронта

¹ *Сергеев Е.Ю.* Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 2014, № 2.

² *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России, 1900–1914 гг. М., 2001; *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.

³ При упоминании месяцев применительно к российским событиям имеется в виду «старый стиль» (юлианский календарь), применительно к зарубежным событиям — «новый стиль» (григорианский календарь).

и отчасти — революционных событий 1917 г., изучаемых российскими исследователями на базе главным образом отечественных источников⁴.

С историографической точки зрения, статья находится на стыке зарубежной и отечественной истории. Изучение проблематики французских (и шире — западных) оценок ситуации на Восточном фронте в 1917 г. отчасти было начато еще в советской период (в рамках вопроса о зарубежных откликах на Октябрьскую революцию и шире — на ситуацию в России в 1917 г.⁵) и имело очевидную специфику — акцент на позитивных откликах со стороны просоветских деятелей. В современных работах, при значительном расширении источниковой базы и новой постановке вопросов, сохраняется изучение указанной проблематики по ряду направлений.

Одна группа исследователей сосредотачивают внимание на оценках событий 1917 г. и последующих годов со стороны членов французской военной миссии в России в различных историографических контекстах: военно-политической истории, с одной стороны⁶, и истории ментальностей и идей, с другой⁷. В работах, в которых принимается попытка совместить анализ французских оценок «на местах» и изучение общей военно-политической линии Парижа, акцент делается преимущественно на стратегическом и дипломатическом взаимодействии России и Франции⁸, в результате чего меньше внимания уделяется вопросу о восприятии французскими военными реалий тактического и оперативного порядка (боеспособность отдельных частей, их морально-психологическое состояние), которые напрямую влияли на степень реалистичности общей картины, получаемой в Париже.

В зарубежной, прежде всего, французской историографии вопрос о характере и специфике оценок Парижем ситуации на Восточном фронте в 1917 г. получил более широкое освещение: от ставших классическими работ М. Ферро⁹ до современных исследований¹⁰. Однако и в данном случае основные акценты были сделаны все же на видении ситуации политическим руководством Франции; редко ставился вопрос и о степени однородности и соотношении различных военных оценок. Французские военные документы привлекались и англоязычными исследователями истории Восточного фронта¹¹.

Базу источников статьи составили как опубликованные, так и архивные документы и материалы, связанные с деятельностью как представителей французской военной миссии в России, так и центральных военных органов Франции. Ряд ключевых

⁴ Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014; Россия в годы Первой мировой войны. М., 2014.

⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М. — Л., 1957; Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961.

⁶ Бабинцев В.А., Галкина Ю.М. «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России. — 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016.

⁷ Данилова О.С., Слуцкая Л.В. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны. — Новейшая история России, 2015, № 1.

⁸ Павлов А.Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008; *его же*. Проблема сохранения Русского фронта в деятельности французского Верховного командования 1917–1918 г. — Первая мировая война — пролог XX века. М., 2014; Россия в стратегии Первой мировой войны, кн. 1. СПб., 2014.

⁹ Ferro M. La révolution de 1917: la chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris, 1967; *idem*. Le soldat russe en 1917. Indiscipline, pacifisme, patriotisme et révolution. — Annales, 1971, v. 26, № 1.

¹⁰ Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981; Delmas J. L'armée russe vue par les officiers français affectés en Russie 1916–1917 — Les sociétés européennes et la guerre. Nanterre, 1990; Anizan A.-L. Paul Painlevé (1863–1933). Un scientifique en politique. Thèse de doctorat d'histoire, v. 1. Paris, 2006, p. 461–473.

¹¹ Stone N. Eastern Front 1914–1917. London, 2004.

донесений из России и меморандумов Верховного командования Франции за 1917 г. в начале—середине 1930-х годов был опубликован в масштабной официальной публикации военного министерства Франции «Французские армии в Великой войне»¹², которую эксперты Генштаба Красной Армии рассматривали как наиболее полную¹³.

Среди многочисленных источников личного происхождения, позволяющих заглянуть за кулисы официальных трактовок, прежде всего, стоит назвать дневники и составленные на их основе мемуары членов французской военной миссии в России и других французских эмиссаров. Если часть из них (например, дневники христианского социалиста П. Паскаля¹⁴, слависта Ж. Легра¹⁵ и социалиста Ж. Садуля¹⁶) хорошо известны и активно используются исследователями, то другие (недавно опубликованные дневниковые записи главы миссии генерала М. Жанена¹⁷ или «походный журнал» маршала Ж. Жоффра¹⁸) менее изучены. Впервые в отечественной историографии вводится в научный оборот ряд материалов Национального архива Франции — письма полковника (позднее генерала) Э. Рампона, отложившиеся в личном фонде А.Ф. Петена¹⁹, позволяющие глубже проследить логику «перерастания» российско-французского союзничества времен Первой мировой войны в интервенционистские планы Антанты. В статье также используются материалы архива Исторической службы Министерства обороны Франции, а также документы из российских архивохранилищ.

Говоря о французских военных оценках ситуации на Восточном фронте в 1917 г., необходимо выделить два их базовых уровня. Первый, верхний — это точка зрения органов Верховного командования, прежде всего, главнокомандующего французской армией на Северном и Северо-Восточном фронтах — генерала Р. Нивелля (декабрь 1916 — май 1917 гг.), затем генерала (позднее маршала) А.Ф. Петена (с мая 1917 г.). Они рассматривали ситуацию на Восточном фронте, прежде всего, исходя из стратегических запросов Франции и основного для нее фронта — Западного. В идеале, с их точки зрения, российская армия должна была вести активные наступательные действия на своем фронте, скоординированные с англо-французским наступлением на Западе для достижения уже в 1917 г., как рассчитывал Нивелль, «решительного результата»²⁰. Минимальные ожидания французского военного командования относительно Восточного фронта (особенно со второй половины 1917 г.) состояли в том, чтобы он продолжал существовать, а российские вооруженные силы, уже не способные наступать, хотя бы сдерживали и «приковывали» к себе немецкие и австро-венгерские войска, затрудняя Берлину и Вене их переброску на Запад.

Второй уровень оценок — точка зрения французских военных представителей на местах: французской военной миссии при Ставке российского Верховного главнокомандующего в Могилеве (с апреле 1916 г. по август 1917 г. возглавлялась Жаненом, с августа 1917 г. по май 1918 г. генералом А. Нисселем), аппарата помощника главы военной миссии французского военного атташе в Петрограде (с июня 1916 г. этот пост занимал подполковник, позднее генерал, Ж. Лавернь), а также влиятельной миссии генерала А. Бертело, существовавшей с октября 1916 г. при румынской армии (и во

¹² *Les armées françaises dans la Grande guerre* (далее — AFGG), t. 5, pt. 1, annexes, v. 1–2. Paris, 1932; t. 5, pt. 2, annexes, v. 1–2. Paris, 1937.

¹³ Подгурский — Подсотскому, 21.08.1937 — Российский государственный военный архив, ф. 39352, оп. 1, д. 69, л. 105.

¹⁴ *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014.

¹⁵ *Legras J.* Mémoires de Russie. Paris, 1921.

¹⁶ *Садюль Ж.* Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990.

¹⁷ *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 2015.

¹⁸ *Journal de marche de Joffre* (1916–1919). Paris, 1990.

¹⁹ Archives Nationales (далее — AN), Papiers Pétain, 415 Archives privées (далее — AP) 5. Документы были выявлены в рамках исследовательского проекта 2015–2016 гг., поддержанного Фондом «Дом наук о человеке» (Париж).

²⁰ Nivelle–Haig, 11.01.17 — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 728.

многом руководившей ей) и докладывавшей, среди прочего, о ситуации на Румынском фронте, в состав которого входили русские и румынские соединения.

Важную роль играли влиятельные эмиссары, приезжавшие из Франции в Россию: генерал Н.Э. де Кастельно был военным представителем Франции на Петроградской конференции Антанты в январе—феврале 1917 г.; министр вооружений А. Тома находился в России в апреле—июне 1917 г.; в Российской империи в годы войны работали многочисленные французские военно-технические миссии.

Миссия во главе с Жаненом насчитывала до 200 чел. (миссия Бертело в Румынии была еще больше — около 1,6 тыс. чел.²¹), черпала сведения для своих донесений во Францию из различных официальных и неофициальных источников. По общему настрою, влиявшему на анализ конкретных данных о российской армии, французская военная миссия была не однородна.

Сочувствующие Петрограду и Ставке французские военные стремились показать Парижу и Компьени (с апреля 1917 г. место дислокации Главной квартиры французской армии), что можно, а чего нельзя требовать от российской армии. К этой группе принадлежал Жанен, который, по оценке Паскаля, «в сущности, принимает большую часть русских аргументов, но не хочет, чтобы это слишком бросалось в глаза Парижу»²², отчасти — Лавернь и Паскаль. Для представителей этой группы, хорошо знавших Россию (Жанен, будучи сотрудником 2-го (разведывательного) бюро Генштаба, посещал Россию с 1890-х годов, с 1896 г. был знаком с Николаем II и сумел позднее приобрести симпатию цесаревича Алексея; выпускник «Эколь нормаль» 1910 г. Паскаль профессионально занимался славистскими исследованиями²³) была характерна критика центральных французских властей за незнание российских условий и выдвижение нередко нереалистичных требований, усугублявших проблемы Восточного фронта²⁴. По мере нарастания революционных процессов в России в этой группе шло внутреннее размежевание на «правых» и «левых».

Другую группу во французской военной миссии составляли офицеры, намного более критично настроенные в отношении России. Они испытывали ярко выраженный пессимизм в отношении возможностей российской армии; были убеждены в необходимости максимально жесткого подхода в отношении российских властей, вплоть до заключения мира с немцами за спиной России, так как Петроград, с их точки зрения, за спиной Антанты ищет такую возможность. Как правило, этой группе были свойственны контрреволюционные настроения, а также восприятие России как «азиатской страны», способной действовать лишь при принуждении «сильной рукой»; представление об извечной русской пассивности и отсталости; чувство собственного превосходства. К сторонникам «жесткого курса» в отношении России можно отнести Нисселя, которого Паскаль называл «генералом крутого нрава»²⁵; представителя миссии при российском Западном фронте Рампона; подполковника (позднее полковника) Ж. Ланглуа, считавшегося знатоком России и предпринявшего в 1914—1917 гг. ряд исследовательских миссий, каждая из которых завершалась подробным отчетом²⁶; капитана Э. де Малесси; капитана Ф. де Шевийи — помощника военного атташе, ответственного за пропаганду.

Французские военные и дипломатические представители на местах служили для французского Верховного главнокомандования основным, но не единственным источником информации о ситуации на Восточном фронте. При Военном совете союзных армий в Версале действовал российский представитель генерал от инфантерии

²¹ Noulens R. Introduction. — *Janin M.* Op. cit., p. 15; *Otu P.* L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine (1878—1940). — *Revue historique des armées*, 2006, № 244.

²² Паскаль П. Указ. соч., с. 161.

²³ Coeuré S. Pierre Pascal: La Russie entre christianisme et communisme. Paris, 2014, p. 16—18.

²⁴ Janin M. Op. cit., p. 97, 151.

²⁵ Паскаль П. Указ. соч., с. 351.

²⁶ Отчеты Ланглуа см. — Service historique de la Défense (далее — SHD), 7 N1547.

Ф.Ф. Палицын (до мая 1917 г., затем этот пост занял генерал-майор М.И. Занкевич), чья относительно оптимистическая информация подчас противоречила позиции Ставки, что вызывало свои проблемы²⁷. Французские военные также активно обсуждали российскую ситуацию с представителями других западных союзников — прежде всего Великобритании и Италии, сверяя позиции и точки зрения²⁸.

Если слабой стороной французских оценок на уровне Верховного военного командования нередко было игнорирование местных условий и реалий, то оценки снизу страдали разнородностью, вытекавшей как из противоречий внутри французских миссий, так и между миссиями в различных странах. Представители Франции на местах нередко перенимали позиции руководства тех государств, в которых они были аккредитованы. Показательно, что на фоне российско-румынских противоречий в 1916–1917 гг. намного более критичными в отношении российской армии и ее командования, по сравнению с донесениями Жанена, были телеграммы Бертело, нередко винившего в неудачах Румынского фронта российские власти и критиковавшего их за откат от должного, с его точки зрения, учета румынских интересов²⁹.

На протяжении 1917 г. французские военные оценки ситуации на Восточном фронте помимо внутренних факторов зависели от текущего положения дел на фронте и в тылу, сохраняя при этом некоторые черты континуитета. В эволюции этих оценок можно выделить 5 этапов: 1-й (январь–февраль), связанный с подготовкой и проведением Петроградской конференции стран Антанты; 2-й (март–май) — первое осмысление Февральских событий при сохранявшемся ожидании весенне-летнего наступления российской армии; 3-й (май–июль) — противоречивые оценки перспектив и результатов летнего наступления на Восточном фронте; 4-й (август–сентябрь) — рост пессимизма на фоне военных поражений российской армии и выступления генерала Л.Г. Корнилова; 5-й (октябрь–ноябрь) — «Октябрьская» фаза Российской революции.

Развитие ситуации на Восточном фронте виделось французским военным в начале 1917 г. по-разному; оценка военно-политической обстановки была принципиально важна в свете подготавливаемой Петроградской конференции стран Антанты, прошедшей 19 января (1 февраля) — 7(20) февраля. Французская сторона, опираясь на планы, согласованные союзниками ранее на конференции в Шантийи (ноябрь 1916 г.), была нацелена настаивать на организации наступления российской армией «с максимальным привлечением средств» и «как можно раньше». Именно в таком духе инструктировал Кастельно военный министр генерал (позднее маршал) Л.Ю. Лиотэ³⁰.

Нивелль, пользовавшийся поддержкой премьер-министра Франции А. Бриана, был главной силой давления на российскую сторону, в противовес более ранним призывам Лиотэ и Кастельно к сдержанности — «просить у русских только то, что они, (действительно. — *И.М.*), могут сделать»³¹. В своем критическом настрое отношении Петрограда Нивелль мог опереться на донесения Бертело и Ланглуа, с позициями которых (некомпетентность российского военного командования, попытки России использовать поражение Румынии в своих целях) он склонен был соглашаться³². Нивелль на переговорах с британцами также стремился заручиться их поддержкой в «подталкивании» Петрограда к решению наступать уже в конце февраля (т.е. в середине марта по новому стилю). При этом главнокомандующий британскими войсками фельдмаршал Д. Хейг вследствие необходимости лучшей подготовки склонялся к началу британского наступления на Западном фронте лишь к концу мая 1917 г.³³

²⁷ De Janin, 02.01.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 641–642.

²⁸ Conférence du 15.01.17. — Ibid., p. 777–784.

²⁹ De Berthelot, 06.01.17. — Ibid., p. 673–674.

³⁰ Lyautey–Castelnau, 16.01.17. — Ibid., p. 798.

³¹ Résumé des conférences ..., 12.01.17; Lyautey – Nivelle, 13.01.17. — Ibid., p. 741, 758.

³² Nivelle – Lyautey, 12.01.17. — Ibid., p. 743.

³³ Conférence du 15.01.17. — Ibid., p. 777–784.

Содержание и тональность донесений Жанена января 1917 г. серьезно контрастировала с настроениями французского Верховного главнокомандования. 1(14) января Жанен, анализируя уроки кампании 1916 г. на Восточном фронте, предупреждал свое руководство, что ввиду «колоссальных потерь» в России «не только армия, но и вся страна» считают невозможным сражаться методами, использовавшимися ранее: «человек против техники, пехотинец против снаряда»³⁴. При этом, как демонстрировало совещание у Лиотэ 12 января (н.ст.), где говорили о технической слабости российской армии (прежде всего, в тяжелой артиллерии) и необходимости для нее иметь «колоссальное численное превосходство»³⁵ над противником, Париж исходил из того, что Российская империя будет воевать примерно так же, как и в прошлые годы. Во французской Главной квартире и в мае 1917 г. продолжали считать людские ресурсы России «неисчерпаемыми»³⁶.

В целом Жанен пытался донести до Нивелля мысль о том, что раннее наступление на Восточном фронте почти невозможно. Более того, в дальнейшем активных действий, скорее всего, можно ждать лишь на «более маневренном» юго-западном участке; для действий против укрепленных немецких позиций на северном и центральных участках фронта у российской армии не хватало технических средств³⁷. В штабе Нивелля, кадровые сотрудники которого, по всей видимости, не полностью разделяли оптимизм главнокомандующего, к донесениям Жанена относились внимательно. На их основе делался вывод, что «в течение текущей войны российская армия не приобретет чувствительно большей ценности, чем в настоящий момент»; звучали призывы задуматься, как лучше использовать ее, чтобы не допустить наименее благоприятного варианта боевых действий — «неподвижности и пассивности» Восточного фронта³⁸.

С точки зрения французских военных властей, Петроградская конференция должна была, обещая России усиление военных поставок (при этом французы были настроены «прижимисто», стремясь переложить основное бремя военной помощи России на британцев и японцев), склонить российское Верховное командование к организации раннего наступления, которое было призвано помочь «наступлению Нивелля». Сделать этого, однако, не удалось. В решениях конференции упоминалось о необходимости для каждого государства уже с 15(28) февраля быть готовым к «лишению» немцев оперативной инициативы, предусматривалось оказание помощи крупному наступлению одного из союзников в течение 3 недель. Главными, по сути, были иные договоренности: организация полномасштабного наступления в период с 1(14) апреля по 1(14) мая 1917 г.³⁹ Как следовало из телеграмм Нивелля, к этому времени он уже принял твердое решение о начале своего наступления на Западном фронте 1(14) апреля 1917 г.⁴⁰

Компромиссный характер решений Петроградской конференции во многом определил отсрочку российского наступления до 1(14) мая, «конца русской зимы», как говорилось в одном из меморандумов штаба Нивелля⁴¹. Итоги конференции были в этом отношении определенной победой сторонников «мягкого» подхода к выстраиванию

³⁴ De Janin, 14.01.17. — Ibid., p. 771.

³⁵ Résumé des conférences tenues au ministère de la Guerre, 12.01.17. — Ibid., p. 741.

³⁶ Grand Quartier général (далее — GQG), Opérations ordinaires sur le front occidental en 1917, 12.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 309.

³⁷ De Janin, 18.01.17. — Ibid., p. 852. Вопрос о степени маневренности Восточного фронта остается дискуссионным. — *Астахов А.Б.* Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии). — Новая и новейшая история, 2014, № 2, с. 45–46.

³⁸ GQG, Note sur les opérations russes en 1917, 17.01.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 841–843.

³⁹ Ibid., p. 1358–1359. О Петроградской конференции см.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; *Павлов А.Ю.* Скованные одной цепью.

⁴⁰ Lyautey — Castelnau, 08.02.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 1123.

⁴¹ GQG, Note sur les opérations russes en 1917, 17.01.17 — Ibid., p. 842.

отношений с российскими властями — Кастельно и Жанена. Первый из них, как сами российские военачальники, не раз указывал военным властям Франции на роль климатического фактора (невозможность наступать в условиях весенней распутицы), стремился проявить определенную деликатность, не слишком давя на российских военных. Кастельно в немалой степени даже «проигнорировал», сославшись на запоздание телеграмм, указания Лиотэ о жесткой позиции на конференции (требование начала российского наступления не позднее 2(15) марта)⁴². Нивелль и Лиотэ были недовольны действиями Кастельно, но переигрывать решения конференции они не стали. В целом оценки хода и итогов конференции французскими военными разнились: если Нивелль и Лиотэ признали их скрепя сердце, то многие дипломаты в Париже уже тогда считали, что «русские не предпримут никаких серьезных усилий в 1917 г.». Кастельно и ряд сотрудников в штабе Нивелля полагали, что конференция достигла «очень важных решений» и укрепила отношения с Петроградом⁴³.

Однако очень скоро решения конференции остались в тени намного более серьезных по своим последствиям революционных процессов в России. Отречение русского императора от престола и создание Временного правительства, вызвав энтузиазм у левых политиков в Париже (в частности, влиятельного Тома⁴⁴), не настроили на оптимистический лад не только французское посольство во главе с М. Палеологом, тесно связанным с царским правительством, но и большинство других французских представителей в России. Идеи члена французской миссии по вооружениям Э. Пети, близкого к Тома, или Легра, писавшего о «новом революционном духе» российских солдат, который вдохновит их на новые бои (суждения, во многом вдохновленные примерами из Французской революции XVIII в.), скорее, были не правилом, а исключением⁴⁵.

Показательно, что Кастельно, несмотря на его, казалось бы, оптимизм по итогам Петроградской конференции, вынес в целом пессимистичное впечатление о состоянии российских вооруженных сил. В начале марта 1917 г. в частных беседах с французскими дипломатами и в официальном отчете для правительства он обрисовал картину «беспорядка, путаницы», которые существуют в России, «полного отсутствия правительства». Кастельно говорил о падении ценности российской армии и считал, что, «все, что мы можем просить от России — удерживать перед собой немецкие силы»⁴⁶. Чувство растущего пессимизма по поводу перспектив российской армии и ее реальных возможностей по организации наступления было характерно и для французской военной миссии на протяжении весны 1917 г.

25 февраля (10 марта) при разговоре с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В. Алексеевым, не скрывавшим своего пессимизма по поводу грядущего, Жанен был склонен полагать, что тот переоценивает негативные тенденции⁴⁷. Французский генерал, среди прочего, мог видеть позитивный сигнал в удалении от «большой политики» Александры Федоровны, которую ранее обвинял в германофильстве⁴⁸. Однако на фоне стремительных революционных процессов и издания Петроградским советом приказа № 1 от 1(14) марта, который, по оценке Жанена, «разрушил дисциплину в армии»⁴⁹, французский генерал все боль-

⁴² Lyautey—Lavergne, 06.02.17 — Ibid., p. 1092—1093.

⁴³ Note pour le bureau des théâtres d'opérations extérieures (далее — ТОЕ), 13.02.17. — Ibid., p. 1218.

⁴⁴ Journal de Russie d'Albert Thomas (publ. de I. Sinanoglou). — Cahiers du monde russe et soviétique, 1973, v. 14, № 1, p. 96.

⁴⁵ Мысли Легра были изложены в его письме Тома от 12 мая 1917 г. — Sinanoglou I. La Russie dans la Première guerre mondiale: le témoignage de Pierre Pascal. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1976, v. 17, № 4, p. 493.

⁴⁶ Poincaré R. Au service de la France. L'année trouble: 1917. Paris, 1932, p. 68; Cambon P. Correspondance: 1870—1924, v. 3. Paris, 1946, p. 147—148.

⁴⁷ De Janin, 10.03.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 1504—1505.

⁴⁸ Павлов А.Ю. Проблема сохранения Русского фронта, с. 102.

⁴⁹ Janin M. Op. cit., p. 136.

ше укреплялся в негативных оценках ситуации. 15(28) марта, получив тревожное письмо Алексеева, в котором говорилось о переносе сроков российского наступления (на июнь—июль), Жанен намекал в телеграмме в Париж, что наступление может не состояться и в этот, более поздний срок. Генерал завершал телеграмму неутешительным перечислением текущих проблем российских вооруженных сил: от слабости правительства и пацифистской пропаганды до неспособности офицеров поддержать дисциплину среди солдат⁵⁰.

Контрастом на этом фоне звучали указания, присылаемые из штаба Нивелля, абсолютным приоритетом для которого было наступление на Западном фронте, которое он не собирался отменять из-за российских событий, считая, что активизация на Западе окажет «благотворное воздействие»⁵¹ и на ситуацию на Востоке. После ряда переносов наступление на Западном фронте началось 3(16) апреля 1917 г. В середине марта французский главнокомандующий стремился убедить российское (а также итальянское) командование начать наступательные операции на своих фронтах, ссылаясь на переброску немцами и австрийцами значительных сил с Восточного и Итальянского фронтов на Западный⁵². Эта тенденция, фиксирувавшаяся французской военной разведкой еще в начале 1917 г., выразилась, по оценкам штаба Нивелля, в том, что на Западный фронт в январе—марте 1917 г. было переброшено 13 дивизий, в то время как в на Восточный фронт — лишь 7⁵³. По французским данным, на 8 апреля (н.ст.) на Западном фронте насчитывалось 149 дивизий противника, в то время как на Российском и Румынском фронтах — 126,5⁵⁴.

Тем не менее этот перевес нельзя было назвать решающим. В этом отношении Нивелль стремился подкрепить свои телеграммы еще одним «аргументом»: наступление должно было помочь сплотить российских военнослужащих и стать преградой на пути распада армии⁵⁵. С аналогичными суждениями выступал и Бертело⁵⁶. Однако Жанен на страницах дневника откровенно высказывал свою позицию по поводу требований своего командования. Получив 7(20) — 8(21) марта телеграммы Нивелля о скором наступлении на Западе и необходимости организовать одновременное наступление на Востоке, глава французской военной миссии горько посетовал на незнание в Париже местных географических и климатических условий, и, прежде всего, на тщетные надежды, что российская армия будет вести наступление «посреди революции, являющейся одновременно и политической, и социальной»⁵⁷.

В апреле—мае 1917 г., несмотря на важные кадровые перестановки во Франции (ушедшего в марте в отставку военного министра Лиотэ сменил П. Пенлеве, который, в свою очередь, назначил в мае главнокомандующим своего протеже Петена), основные подходы в оценках российской ситуации Парижем и представителями Франции в России остались во многом прежними. Французские военные власти, особенно на фоне неудачного наступления («бойни Нивелля») стремились добиться от Петрограда и Ставки организации активных действий на Восточном фронте, хотя бы локального характера.

С 3(16) апреля Пенлеве усиленно требовал от Жанена поторопить Ставку с организацией наступления, подчеркивая то обстоятельство, что Западный фронт оттягивает на себя основные силы немцев⁵⁸. Если Пенлеве, несмотря на официальные демарши, в апрельское наступление российской армии не верил, то майского наступления

⁵⁰ AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 2, p. 330—331.

⁵¹ Journal de marche de Joffre, p. 214.

⁵² AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 2, p. 126, 143.

⁵³ GQG, Exposé comparatif des ordres de bataille..., 01.04.17. — Ibid., p. 404—405.

⁵⁴ GQG, Situation des forces ennemis... 08.04.17. — Ibid., p. 696.

⁵⁵ Nivelle — Janin, 21.03.17. — Ibid., p. 159.

⁵⁶ De Berthelot, 19.04.17; 13.05.17. — Ibid., pt. 2, annexes, v. 1, p. 104, 329—330.

⁵⁷ Janin M. Op. cit., p. 120.

⁵⁸ AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 88, 147—148, 225.

он ждал⁵⁹. В мае, по мере осознания того, что наступательных действий на Восточном фронте не будет, уже Петен, используя один из излюбленных аргументов Нивелля (наступление поднимет моральное состояние российских войск), призывал русскую Ставку поторопиться⁶⁰. Получив 11 мая (н.ст.) телеграмму Петена о необходимости организовать скорое наступление в Добрудже, Жанен не мог поверить прочитанному: он полагал, что окружение главнокомандующего плохо информирует его о реальных возможностях российской армии⁶¹. Мыслям Жанена, что после начала революции в России «война отошла на второй план» соответствовал настрой президента Р. Пуанкаре, записавшего 11 апреля (н.ст.) в дневнике, что «Россия все больше забывает о войне и думает лишь о революции»⁶².

Военные в Париже питали надежды хотя бы на локальное наступление русско-го Юго-Западного фронта (командующий — генерал от кавалерии А.А. Брусилов, «убежденный сторонник наступления», по оценке Жанена⁶³) и Румынского фронта (командующий — румынский король Фердинанд при заместителе — генерале от кавалерии В.В. Сахарове, которого французы резко критиковали⁶⁴, а с апреля — генерале от инфanterии Д.Г. Щербачеве, лишь входившем в курс дел фронта). Свою роль в появлении нереалистичных ожиданий французской стороны вносило, среди прочего, и «маневрирование» Брусилова, подчеркивавшего в апреле—мае в разговорах с французскими представителями, в частности с Тома, свою готовность организовать скорое наступление⁶⁵.

Впрочем, политический фактор сказывался и на характере сведений, получаемых Тома от членов французской военной миссии в России. В разговорах с оптимистично настроенным министром-социалистом и Жанен, и капитан Ж.-Л. Дюмениль, прикомандированный к Балтийскому флоту, и даже Рампон, вернувшийся с 1-го съезда военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта в Минске, выказывали умеренно-оптимистичный настрой: в деле материально-технического обеспечения российских вооруженных сил наблюдался прогресс, хотя моральное состояние оставляло желать лучшего⁶⁶. Умеренный оптимизм при отсутствии уверенности в будущем выражал в середине апреля и Лавернь⁶⁷.

Иные сигналы, однако, были ближе к реальности. Симптомом растущего понимания серьезности положения России на центральном уровне были оценки французского премьер-министра А. Рибо, высказанные в разговоре с Жоффром в начале апреля: «Россия в полном кризисе, Италия не хочет вести наступательных действий. Таким образом, мы пойдем в бой одни вместе с англичанами, которые, как всегда, действуют медленно»⁶⁸. В том, что Россия и Италия не выдержат «могущественного наступления» немцев, Петена в начале мая 1917 г. пытался убедить и начальник британского Генштаба генерал (позднее фельдмаршал) У. Робертсон⁶⁹.

В целом руководство французской миссии давало Парижу дифференцированную картину текущего положения российских вооруженных сил. В середине апреля Жанен отмечал, что в худшем состоянии находился Северный фронт, что генерал связывал с близостью Петрограда и агитацией Петроградского совета; положение Западного фронта было более-менее приемлемым, однако пугал высокий уровень

⁵⁹ Painlevé—Lavergne (pour Thomas), 02.05.17. — Ibid., p. 175—176.

⁶⁰ Pétain—Berthelot, 07.05.17. — Ibid., p. 226.

⁶¹ Janin M. Op. cit., p. 159.

⁶² Poincaré R. Op. cit., p. 110.

⁶³ Janin — Painlevé, 21.04.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 125.

⁶⁴ Nivelle — Lyautey, 12.01.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 1, p. 743.

⁶⁵ Journal de Russie..., p. 150.

⁶⁶ Ibid., p. 93, 107—108, 113.

⁶⁷ Janin M. Op. cit., p. 142.

⁶⁸ Journal de marche de Joffre, p. 208.

⁶⁹ Déclaration de Robertson, 04.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 1409—1410.

дезертирства; Юго-Западный фронт был в лучшем состоянии, однако уверенности Брусилова в возможности организовать здесь наступление Жанен полностью не разделял⁷⁰. Плачевное состояние Северного фронта подтверждал Паскаль, предпринявший в мае 1917 г. визит в расположение 12-й армии, а также Алексеев⁷¹. Рампон, аккредитованный при штабе Западного фронта, писал своему начальству в середине мая: «Мы находимся на самой нижней точке кривой, мы поднимемся через короткий промежуток, но на данный момент мы не поднимаемся ни на миллиметр. Они продолжают говорить о мире»⁷².

В целом, как следовало из двух пространных записок Жанена, написанных в начале апреля и начале мая, генерал лишь утвердился во мнении, что из трех вероятных, с его точки зрения, вариантов развития событий (один благоприятный — революция стимулирует Россию воевать с большим энтузиазмом; два неблагоприятных — заключение Россией сепаратного мира с Германией; прекращение ею войны, рано или поздно также ведущее к миру), два последних имеют все больше шансов на реализацию. В начале мая 1917 г. в аккуратных выражениях Жанен предлагал своему руководству не исключать сценария краха России или заключения ею сепаратного мира. Более реальной угрозой генерал считал закрепление «состояния паралича» Восточного фронта, что позволит немцам перебрасывать силы на Запад, оставляя против России лишь ослабленные соединения⁷³.

Эту мысль до своего логического завершения довел в записках от 16(29) мая и 7(20) июня капитан де Малесси. Он исходил из почти неизбежности выхода России из войны к осени, в связи с чем считал необходимым использовать возможность заключить мир «за спиной России» раньше⁷⁴. В схожем духе 8(21) мая информировал свое начальство Рампон: «Завершите войну в течение 3 месяцев. В противном случае русские ударят вас по рукам»⁷⁵.

Особое беспокойство французских военных вызывала деятельность политических групп и партий, обозначавшихся как «ультра-пацифисты» или «максималисты», под которыми понимались большевики. Уже в середине марта 1917 г. Шевии высказывал Жанену опасения по поводу «революционной и пацифистской волны», охватившей Петроград⁷⁶. Месяцем ранее хорошо осведомленная резидентура 2-го бюро французского Генштаба в Швейцарии сообщала об активизации демаршей немецкой агентуры в отношении «некоторых русских» с целью подготовки к заключению мира. Аналогичные сведения поступали и позднее⁷⁷. Подытоживая свой пессимистичный доклад от 11(24) мая, Лавернь среди ключевых факторов снижения боеспособности российской армии, наряду с низким моральным состоянием офицерского корпуса и солдат, называл «интенсивную пацифистскую пропаганду сторонников Ленина»⁷⁸.

Эти аргументы воспринимались летом 1917 г. в Париже с особой остротой ввиду солдатских волнений, прокатившихся в мае—июне по французской армии. «Кризис, через который недавно прошла Россия, демонстрирует нам, сколь фатальными могут быть последствия такого хода вещей (падения авторитета командования. — *И.М.*)», — замечал военно-морской министр адмирал Л. Лаказ в начале августа⁷⁹.

⁷⁰ Janin M. Op. cit., p. 137.

⁷¹ Паскаль П. Указ. соч., с. 210; Janin — Painlevé, 08.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 247.

⁷² Рампон резюмировал свои донесения в пространном письме Петену. — Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

⁷³ Janin M. Op. cit., p. 161.

⁷⁴ Reviakine A. La France, la Russie et la menace d'une paix séparée avec l'Allemagne en 1917. — Deutschland — Frankreich — Rußland: Begegnungen und Konfrontationen. München, 2000, p. 149.

⁷⁵ Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

⁷⁶ Janin M. Op. cit., p. 117.

⁷⁷ Morier — Painlevé, 25.03.17. — AFGG, t. 5, pt. 1, annexes, v. 2, p. 237.

⁷⁸ Delmas J. Op. cit., p. 379.

⁷⁹ Journal de marche de Joffre, p. 223.

Реорганизация Временного правительства и назначение на пост Военного и морского министра А.Ф. Керенского 5(18) мая были позитивно восприняты Жаненом, хотя и с меньшим энтузиазмом, чем Тома. Умеренный оптимизм в связи с этим событием в разговорах с французами выражал и Алексеев⁸⁰. Главное, чего ожидали французы от Керенского и назначенного им Верховным главнокомандующим Брусилова, — это энергичная подготовка к летнему наступлению.

Тогдашний начальник Генштаба французской армии генерал (позднее маршал) Ф. Фош отмечал в меморандуме от 11 июня (н.ст.) улучшение ситуации и частичное восстановление дисциплины в российской армии, которое он связывал с мерами Керенского и Брусилова. Полагая, что немцы использовали Восточный фронт как резерв для пополнения Западного фронта свежими дивизиями, отводя на Восток менее ценные соединения (с середины апреля, по его данным, 8 дивизий было отправлено из Франции в Россию и 9 свежих дивизий — из России во Францию), Фош считал момент подходящим для российского удара⁸¹. В целом он был склонен придавать серьезное значение грядущим событиям на Восточном фронте, рассматривая их без излишних крайностей. «Русское наступление будет играть огромную роль для общей ситуации, и оно остается неизвестной величиной... Если русские двинутся вперед, англичане и французы могут добиться огромных результатов, в противном случае — это под сомнением», — говорил он Робертсону 15(28) июня⁸².

Начиная с 1(14) апреля 1917 г., по данным штаба Петена, немцы не предпринимали серьезных передислокаций войск с Восточного фронта на Западный. На Восточном фронте было сосредоточено 78 немецких дивизий против 143—156 дивизий на Западном (данные по австро-венгерским дивизиям не были приведены); по оценкам Ставки, речь шла о 123 пехотных и 22 кавалерийских дивизиях Центральных держав на Востоке⁸³. В «Записке о текущем положении» от 5 июня (н.ст.) Петен позитивно отзывался не только о текущих усилиях Керенского, но и о Февральских событиях: «русские осуществили революцию, дабы изгнать правительство, которое готовилось к сепаратному миру с Германией». Он призывал готовиться к тому, что «действия российских войск снова будут ощущаться на Восточном фронте». Однако французского генерала настораживали «маневры немецких агентов» в России⁸⁴.

Жанен и его подчиненные смотрели на ситуацию в России с большим пессимизмом. Контранаступление на р. Стоход, организованное немцами в начале апреля, неприятно удивило французскую миссию большим количеством потерь с российской стороны. По французским данным, русские потеряли 10,5 тыс. солдат, в основном пленными⁸⁵. В начале мая, характеризуя плачевное состояние дел на транспорте, Жанен осторожно докладывал в Париж о том, что грядущее русское наступление потенциально может как улучшить ситуацию, так и ухудшить ее «ввиду неясной политической ситуации»⁸⁶. Поездки на фронт, предпринятые Жаненом в преддверии российского наступления (во второй половине мая генерал посетил Северный, во второй половине июня — Западный фронт), утвердили его в пессимизме. После разговора с командующим 2-й армией Западного фронта генерал-лейтенантом А.А. Веселовским 3(16) июня, Жанен записал в дневнике: «Наша беседа позволяет мне констатировать, что ситуация аналогична той, что существует на Северном фронте. Анархия,

⁸⁰ Janin M. Op. cit., p. 169; Buschenschütz — Painlevé, 23.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 491.

⁸¹ AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 797–798.

⁸² Ibid., p. 1008.

⁸³ GQG, Exposé comparatif des ordres des batailles... 05.06.17; Janin — Painlevé, 21.06.17. — Ibid., p. 711–715, 928.

⁸⁴ Ibid., p. 716–719.

⁸⁵ Janin M. Op. cit., p. 135.

⁸⁶ Janin — Painlevé, 03.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 197.

речи, комитеты, митинги и т.д. У отвратительных и бессильных офицеров столько же стычек со своими солдатами, сколько с противником»⁸⁷.

Возмущала Жанена и ситуация установившегося перемирия на фронтах между российскими и немецкими частями. В целом, как отметил Паскаль в своем дневнике 9(22) мая, Жанен не считал российское наступление возможным⁸⁸. К концу июня генерал уже успел разочароваться и в действиях Керенского, полагая, что тому не удалось усилить «энергию правительства»⁸⁹. Жанен в этом смысле сближался с традиционно более пессимистичными оценками членов своей миссии. Как писал 14(27) июня Рампон, «с нашей, союзников, стороны будет ошибкой слишком настаивать. Мы требуем от (русской. — *И.М.*) армии наступления, которого она не может нам дать»⁹⁰.

Генерал Бертело приводил традиционные аргументы в пользу наступления: «Наступление — единственное средство помешать отводу немецких войск с этого (Восточного. — *И.М.*) фронта (для переброски на Западный. — *И.М.*) и избежать распада российской армии, уменьшить выступления в пользу мира и сократить германофильскую пропаганду»⁹¹. Но уже в конце мая генерал высказывал сомнения в успехе русского наступления. Смотревший на ситуацию через призму интересов румынской армии, он ратовал за скорую организацию наступательных действий, дабы не позволить немцам разгромить румынские силы и дать понять «русскому народу и солдатам реальный ход вещей»⁹².

Таким образом, среди французских военных и во Франции и в России почти не было офицеров, готовых поручиться за успех русского наступления; в лучшем случае, шансы на успех не исключались.

На этом фоне успешное начало наступления Юго-Западного фронта 18 июня (1 июля) 1917 г. было воспринято с энтузиазмом. «Будет ли победа иметь продолжение? Да», — записал в своем дневнике 20 июня (3 июля) Паскаль, находившийся в Петрограде. Жанен и Рампон, наблюдавшие за наступлением при штабах Юго-Западного и Западного фронтов, смотрели на вещи более трезво. Даже в первые успешные дни наступления Жанен, отмечая действия российской артиллерии (что подчеркивали позднее и сами российские военнослужащие⁹³), указывал на тревожные симптомы: значительное число дезертиров и легкораненых, в частности, в левую руку, что косвенно могло свидетельствовать о «самострелах». 21 июня (4 июля) французский генерал в своем дневнике выражал сомнения в выполнимости обещаний командования 7-й армии, что наступление будет продолжено. Начало немецкого контрнаступления — Тарнопольский прорыв 6(19) июля не удивило Жанена; оно было вполне предсказуемо: «Отвратительный спектакль, создающий впечатление ситуации, которую уже не исправить, поскольку для восстановления порядка нужна иная хватка, чем у Керенского»⁹⁴.

Вернувшись в Петроград, Жанен 3(16) июля говорил членам своей миссии, которые в отдалении смотрели на ситуацию с несколько большим оптимизмом, о провале русского наступления⁹⁵. Развитие ситуации в 20-х числах июля (по новому стилю) наряду с июльским выступлением большевиков в Петрограде, лишь усугубляло мрачный настрой Жанена. Он констатировал казавшееся неостановимым отступление русских, подозревал их в сговоре с немцами и видел в этом влияние пропаганды боль-

⁸⁷ Janin M. Op. cit., p. 186.

⁸⁸ Паскаль П. Указ. соч., с. 192.

⁸⁹ Janin M. Op. cit., p. 188.

⁹⁰ Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

⁹¹ De Berthelot, 13.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 329.

⁹² De Berthelot, 31.05.17. — Ibid., p. 637.

⁹³ Хавкин Б.Л. Русский фронт Первой мировой войны (1914—1918 годы). — Новая и новейшая история, 2014, № 2, с. 24.

⁹⁴ Janin M. Op. cit., p. 190, 193, 196.

⁹⁵ Паскаль П. Указ. соч., с. 264.

шевилов, которых, как и другие французские военные, считал «агентами немцев»⁹⁶. Схожими были впечатления Рампона о событиях на Западном фронте, изложенные в рапорте от 9(22) июля: превосходная артиллерийская подготовка, первоначальные успехи и последующий развал, символом которого для французского полковника были раненые в левую руку «ученики Ленина»⁹⁷.

Суждения, высказывавшиеся генералом Брусиловым: невозможность для армии продолжать активные действия на фронте после осени 1917 г. и вести войну — после зимы 1917–1918 г., также демонстрировали французам плачевность ситуации на Восточном фронте⁹⁸. При этом попытки представителей Ставки и российских военных за рубежом убедить Париж и Лондон организовать наступление на Западном фронте, чтобы помочь России, не принесли результата⁹⁹.

Провал июньского наступления на Восточном фронте стал важной вехой в трансформации французских оценок боеспособности Восточного фронта. Произошло изменение стратегических приоритетов центрального военного командования. Сторонники «жесткого» подхода к России напрямую ставили вопрос о действиях на случай сепаратного мира Петрограда с Берлином: показательно, что эта возможность упоминалась в одном из меморандумов Главной квартиры от 2 июля (н.ст.)¹⁰⁰, на следующий день после начала наступления на Восточном фронте. 1 августа (н.ст.) об угрозе российско-германского мира «через месяц или два» Петену писал Рампон¹⁰¹. Аналогичные опасения высказывал один из французских инженеров, прикомандированных к Северному фронту¹⁰². Позиция Ставки, отмечавшей возможность «самых неблагоприятных последствий для общего дела союзников» в случае неоказания помощи России¹⁰³ лишь усиливала эти опасения.

Сторонники более «мягкого подхода» продолжали сомневаться в возможности заключения сепаратного мира Петроградом. Меморандум по этому вопросу был подготовлен в аппарате Пенлеве в конце июля по новому стилю¹⁰⁴. В штабе Фоша предлагали исходить из новых реалий: превращение Восточного фронта в «неактивный» театр военных действий¹⁰⁵; необходимость, с одной стороны, усилить помощь России (поставки вооружений, кредиты), а с другой, — установить более плотный контроль западных держав за ситуацией в России. В записке Фоша от 8(21) июля приводилось распределение обязанностей (функциональных сфер влияния): Великобритания отвечала за российский флот, Франция — за армию, США — за транспортное обеспечение¹⁰⁶.

Курс на усиление своего присутствия в России был одобрен французским правительством в «Записке о военных усилиях Франции в России» от 28 июля по новому стилю. Этот документ был согласован с другими западными союзниками по Антанте. Записка предполагала расширение миссии и замену Жанена на Нисселя. «Франция берет на себя задачу восстановления и реорганизации российской армии», — говорилось в этом документе¹⁰⁷. Смысл назначения Нисселя точно уловил Паскаль: «Он хочет сделать в России *румынский ход*»¹⁰⁸, — то есть установить такой же контроль над российской армией как миссия Бертело — над румынской.

⁹⁶ Janin — Pétain, 24.07.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 282.

⁹⁷ Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

⁹⁸ De Janin, 07.07.17; 10.07.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 34, 80.

⁹⁹ Ibid., p. 224, 341.

¹⁰⁰ GQG, Offensive allemande sur un large front, 02.07.17. — Ibid., v. 1, p. 1042.

¹⁰¹ Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

¹⁰² Паскаль П. Указ. соч., с. 316.

¹⁰³ De Janin, 29.07.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 326.

¹⁰⁴ Reviakine A. Op. cit., p. 149.

¹⁰⁵ État-major Général de l'Armée (далее — EMA), Note sur le plan d'action de la Coalition..., 18.07.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 187.

¹⁰⁶ EMA, Appui à donner à la Russie pour l'empêcher de fléchir, 21.07.17 — Ibid., p. 229.

¹⁰⁷ Sinanoglou I. Op. cit., p. 492.

¹⁰⁸ Паскаль П. Указ. соч., с. 351.

Намерение установить контроль союзников над российской армией отвечало, с одной стороны, уже имевшимся у зарубежных военных представителей в России тенденциям «взять дело в свои руки» на фоне просчетов российских властей в ведении войны¹⁰⁹, с другой, — служило «мерой предупреждения» на случай краха России или стремления ее властей выйти из войны, что предвещало будущую интервенцию Антанты.

В этом смысле рост интервенционистских настроений Антанты был реакцией на дезинтеграцию Восточного фронта и выражением желания не допустить сепаратного мира России с Центральными державами и использования ими российских ресурсов. На роль «восстановителей порядка», с точки зрения многих французских военных, могли претендовать, к примеру, польские национальные части: Жанен активно поддерживал их формирование в России, не забывая подчеркивать роль польских солдат в борьбе с дезертирами¹¹⁰; румынская армия, достоинства которой превозносил Бертело¹¹¹, и даже японские войска. Как писал Рампон Петену в начале августа 1917 г., вероятно, несколько преувеличивая свою настойчивость, «я требовал, чтобы генералы союзников надели свои шлемы и сказали Керенскому: “Достаточно! Установите дисциплину — или мы спустим на вас Японию!”»¹¹².

Среди французских экспертов увеличилось число сторонников жесткого подхода к России. Жанен укрепился в необходимости «железной руки», появлении своего рода «Сен-Жюста русской революции». Жанен прочил на эту роль Керенского, но разочаровался в нем. В этом смысле показательной была позитивная реакция Жанена на назначение 18(31) июля генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова Верховным главнокомандующим¹¹³. Положительными были оценки французами окружения Корнилова, в частности, генерал-лейтенанта А.И. Деникина. «Первый человек, которого я встретил здесь. Но, безусловно, его столкнут», — писал Рампон в бытность Деникина командующим Западным фронтом, противопоставляя его предшественнику, генералу от кавалерии В.И. Гурко, которого он обвинял в безволии¹¹⁴.

Восстановление дисциплины в русской армии французские военные связывали с «железной рукой». Пересказывая в частном письме Петену свой доклад Жанену от 1 августа, Рампон мог позволить себе быть эмоциональным: «не настал ли час казаков? Зовите казаков!»¹¹⁵. Не только у Рампона «наведение порядка» ассоциировались с казачьей нагайкой. После разговора с капитаном П. Гравье, членом французской артиллерийской миссии, Паскаль записал в дневнике: «Гравье счастлив: в Екатеринославе казаки более-менее не жалуют дезертиров. Он заворужен казаками»¹¹⁶. Таким образом, к августу 1917 г. французские военные психологически были готовы, более того, ждали установления военной диктатуры, рассчитывая одновременно все плотнее брать руководство российской армии под свою опеку.

На фоне разочарования в Керенском Жанен, 4 августа (н.ст.) получивший уведомление о своей замене Нисселем, но продолжавший выполнять свои обязанности¹¹⁷, делал все большую ставку на Корнилова, благожелательно наблюдая за ростом его популярности в войсках. Жанен считал, что уход Корнилова, слухи о котором перио-

¹⁰⁹ См., к примеру, позицию британского военного представителя при Ставке бригадного генерала Дж. Хенбери-Уильямса. — Базаров — Пустовойтенко, 7(20).11.1915. — Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2003, оп. 1, д. 1429, л. 167–167об.

¹¹⁰ *Janin M. Op. cit.*, p. 216.

¹¹¹ De Berthelot, 28.05.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 1, p. 636–637.

¹¹² Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

¹¹³ *Janin M. Op. cit.*, p. 211.

¹¹⁴ Rampont — Pétain, 01.08.17. — AN, 415 AP 5.

¹¹⁵ *Ibidem*.

¹¹⁶ Паскаль П. Указ. соч., с. 254.

¹¹⁷ Приезд Нисселя задерживался из-за медлительности российской стороны в согласовании персоны нового военного атташе полковника Ланглюа. — Niessel — Pétain, 29.08.17. — AN, 415 AP 5.

дически курсировали в конце августа, привел бы к ускорению дезинтеграции российской армии и окончательно свел бы к нулю шансы на продолжение войны зимой¹¹⁸.

Корниловское выступление 28–31 августа (10–13 сентября) 1917 г. скорее положительно, чем отрицательно, воспринималось членами французской военной миссии как контрреволюционная акция. Вместе с тем считалось, что выступление Корнилова навряд ли приведет к гражданской войне (ввиду настроения солдат и самого Корнилова). Паскаль, критиковавший действия Корнилова и находившийся в меньшинстве, констатировал 29 августа (11 сентября): «В миссии желают победы Корнилову, в той степени, в какой в нее верят: в случае провала, будет потеряно доверие войск к офицерам»¹¹⁹. Позже, другой офицер в составе миссии, капитан Садуль, социалист по своим убеждениям, с горечью писал Тома: «Сколько французов скомпрометировали себя здесь своим благосклонным отношением к Корнилову!»¹²⁰

31 августа (13 сентября) Жанен, предчувствуя скорое поражение Корнилова, тем не менее продолжал убеждать Париж в возможной «благодетельности» его выступления: оно могло заставить правительство принять новые меры по восстановлению дисциплины в армии¹²¹. Обсуждая в тот же день с Корниловым в Ставке идеи российского генерала о возможном ультиматуме казаков Керенскому, Жанен не удержался от восхищения: «какой же герой этот человек! (Корнилов. — И.М.)»¹²².

Если неудача Корниловского мятежа разочаровала французских военных, то немечкое наступление под Ригой сокрушило их надежды на возможность относительно долгого сохранения Восточного фронта даже в «пассивном состоянии».

Рижская операция германского командования, начавшаяся 1 сентября (н.ст.) и через два дня приведшая к занятию немецкими войсками Риги, была свидетельством обоснованности пессимизма французской миссии по поводу боеспособности русского Северного фронта. Сценарий «застывания» Восточного фронта становился все менее реалистичным. 5 сентября (н.ст.) Жанен докладывал в Париж: «Разгром под Ригой продолжается... Пехота представляют собой лишь толпу, заполонившую дороги от Бидера до Лемберга»¹²³. В дневнике Жанен был откровенен: он рассматривал отступление как результат сговора немцев и большевиков¹²⁴. Суммируя настроения и слухи, царившие в Петрограде во время Рижской операции, Паскаль делал неутешительный вывод: «это, по-видимому, конец империи, а печально»¹²⁵.

Рижская операция немцев, однако, не сразу сказалась на расчетах Главной квартиры. 13(26) августа, в резком контрасте с последующей картиной, 2-е бюро французского генштаба полагало, что немцы, «по всей видимости, остановили свои операции на Восточном фронте... до сих пор никакие сигналы не позволяют предвидеть новых действий немцев ни на одном из фронтов (Восточном и Западном. — И.М.)»¹²⁶. Оценки 3-го (оперативного) бюро от 4(17) сентября были весьма оптимистичны. Предполагалось, что 1 ноября (н.ст.) 1917 г. Восточный фронт застынет, и немцы смогут перебросить на Запад лишь 10 дивизий (к весне 1918 г.). Исходя из этого, строился сценарий возможного наступления в мае 1918 г. силами 54 французских и 25 британских дивизий на Западном фронте¹²⁷. Симптомом растущих опасений было среди прочего

¹¹⁸ De Janin, 23.08.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 532.

¹¹⁹ Паскаль П. Указ. соч., с. 380.

¹²⁰ Садуль Ж. Указ. соч., с. 41.

¹²¹ De Janin, 13.09.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 718.

¹²² Janin M. Op. cit., p. 229.

¹²³ De Janin, 05.09.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 662; Деникин А.И. Крушение армии и власти. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 2016, с. 529.

¹²⁴ Janin M. Op. cit., p. 219.

¹²⁵ Паскаль П. Указ. соч., с. 371.

¹²⁶ GQG, Attitude des Allemands, 26.08.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 543–544.

¹²⁷ GQG, Étude sur la directive du 15 aout, 17.09.17. — Ibid., p. 744–753.

письмо Пенлеве на имя Пуанкаре от 6(19) сентября: «военная мощь (России. — И.М.) поколеблена, а сила Центральных держав пропорционально укрепились»¹²⁸.

В целом, в сентябре—октябре 1917 г. французские оценки, становясь все более мрачными, продолжили развиваться по направлениям, которые обозначались в июле. На фоне растущего пессимизма сглаживались различия между суждениями «в центре» и «на местах». Из разговора Фоша и Жоффра в Париже 6 октября (н.ст.) следовало, что французский генералитет все меньше верит в возможность стабилизации Восточного фронта и, продолжая опасаться переброса немецких дивизий на Запад и планов Германии по экономической эксплуатации России, делает все большую ставку на интервенцию. Как и ранее, французские военные надеялись действовать в немалой степени «чужими руками», полагаясь, прежде всего, на США и Японию¹²⁹.

В недатированной записке конца октября, отложившейся в походном журнале Жоффра, говорилось о желательности того, чтобы «Америка и Япония получили бы миссию взять шефство над этими территориями и народами, оставшимися без управления и лишенными воли; обеспечить использование военных, экономических, промышленных и прочих ресурсов; захватить “залог”, которые гарантируют выплату тех миллиардов, которые одолжили союзники; организовать (экономическое. — И.М.) использование России. Для реализации этих (целей. — И.М.) стоит предусмотреть и подготовить военную оккупацию отдельных важных пунктов и отдельных регионов»¹³⁰.

Усиливалась тенденция к поиску мира с Германией за спиной России. В записке 3-го бюро от 11 октября (н.ст.) рекомендовался скорейший переход к этой линии поведения ввиду неспособности России дальше продолжать войну¹³¹. Однако Пуанкаре и Жоффр, среди прочих, сомневались, что Германия, предчувствуя возможность скорой ликвидации Восточного фронта, предложит мир, который удовлетворит Францию¹³².

Тенденция распада союзничества и его перерастание в будущую интервенцию косвенно получила отражение в существовавших с конца сентября 1917 г. планах создания межсоюзной комиссии (с центром в Петрограде) по обеспечению железнодорожного сообщения в Бессарабии. Официально инициатива исходила от румынских властей, но можно предполагать, что свою роль в этом деле сыграл Бертело¹³³. Возвращаясь к обсуждаемому ранее вопросу о снабжении Румынии продовольствием со стороны российских властей — французы считали, что русская Ставка поставляет румынам недостаточно продовольствия, — Бертело в конце сентября предлагал создать еще одну межсоюзную комиссию в Бессарабии при «почетном контроле» со стороны российского правительства. Эта комиссия занималась бы формированием крупных запасов продовольствия путем его скупки или реквизиции¹³⁴. Примечательны были и меры, реализованные Жаненом в августе 1917 г.: французская миссия получила у Ставки разрешение прикомандировывать своих офицеров к штабам всех российских армий¹³⁵.

Члены французской военной миссии продолжали осенью 1917 г. поиски «сильной руки» и «элементов порядка» в России. В это время в качестве главного кандидата на роль диктатора Жанен видел Б.В. Савинкова, единственного, по его словам, российского политического деятеля, «который производил впечатление энергичного

¹²⁸ *Poincaré R.* Op. cit., p. 289.

¹²⁹ *Journal de marche de Joffre*, p. 228—229.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 238. Эти планы получили свое продолжение позднее. См. серию донесений военного атташе Франции в Японию лета 1918 г. — SHD, 6 N53.

¹³¹ *Reviakine A.* Op. cit., p. 153.

¹³² *Poincaré R.* Op. cit., p. 291; *Journal de marche de Joffre*, p. 236.

¹³³ *De Berthelot*, 21.09.17. — AFGG, t. 5, pt. 2, annexes, v. 2, p. 783.

¹³⁴ *De Berthelot*, 26.09.17. — *Ibid.*, p. 817.

¹³⁵ *Janin M.* Op. cit., p. 217.

человека»¹³⁶ Ссылки на «русскую апатию» были общим местом в донесениях членов французской военной миссии. Наряду с развитием планов «железной руки» и казачьих нагаек как средства восстановления дисциплины хотя бы в части воинских соединений, все очевиднее строились проекты интервенции. «Поставьте три японских корпуса (100000 чел.) в тыл каждого фронта... Создайте настоящую польскую армию в 3 ак (армейских корпуса. — *И.М.*)... Соберите казаков в качестве жандармерии», — делился Рампон своими предложениями с Петеном в октябре 1917 г.¹³⁷

Если в Париже Жоффр дипломатично говорил Фошу о том, что положение России «волнующая неизвестная для составления плана на 1918 г.»¹³⁸, то французские представители в России были готовы констатировать критическое состояние Восточного фронта. В середине октября 1917 г. Жанен отмечал в дневнике, что «с русской армией покончено»¹³⁹. Чуть позже Садуль писал Тома из Петрограда о том, что «русская армия, по общему мнению, с августа 1917 г. не способна ни на какие военные действия»¹⁴⁰. Как и военные в Париже, французские офицеры в Петрограде с растущим опасением размышляли о возможном превращении России в экономическую сферу влияния Германии, о чем в начале ноября (н.ст.) говорил Пети¹⁴¹.

В этих условиях Октябрьское восстание большевиков в Петрограде не рассматривалось как поворотный пункт событий 1917 г. «Для французского верховного командования Октябрьская революция была кульминацией, а не причиной военного коллапса России», — отмечал канадский историк М. Карли¹⁴².

Такое восприятие октябрьских событий 1917 г. французскими военными можно объяснить несколькими причинами. Как следует из дневниковых записей Жанена, к началу ноября (по новому стилю) наблюдение за разворачивавшимся после Корниловского мятежа процессом усиления влияния большевиков в Петрограде привело к выводу о приближении новой попытки большевиков взять власть в свои руки, так как «за (Временным. — *И.М.*) правительством не стоял никто»¹⁴³. Восстание большевиков 25 октября (7 ноября) было встречено спокойно: считалось, что выступление «не продлится дольше утра, и следовательно, нужно терпеливо ждать тех, кто придет им на смену»¹⁴⁴.

Октябрьские события усугубили и противоречия во французской миссии. Если 8 ноября, отбывая из России, Жанен записал в своем дневнике что «Россия — больше не союзник»¹⁴⁵, то Садуль, выступавший своего рода эмиссаром Тома, призывал выстраивать отношения с большевиками, надеясь при их поддержке сохранить Восточный фронт хотя бы в каком-то виде. «Наше ... дело связано с Русской революцией, и только с ней. Только на нее мы можем рассчитывать в том, чтобы активизировать действия на фронте», — писал Садуль в Париж 2(15) ноября¹⁴⁶.

Французские военные власти на начальном этапе не хотели «сжигать мосты» в отношениях с большевиками. Их позицию можно было интерпретировать двояко: как надежду на скорое падение большевиков или как попытку выстроить сотрудничество с ними с целью сохранить Россию в войне. Об этом свидетельствовали продолжение передачи российской стороне разведывательных сводок о расположении

¹³⁶ Ibid., p. 232; Садуль Ж. Указ. соч., с. 25.

¹³⁷ Rampont — Pétain, 04.10.17. — AN, 415 AP 5; Паскаль П. Указ. соч., с. 396.

¹³⁸ Journal de marche de Joffre, p. 229.

¹³⁹ Janin M. Op. cit., p. 237.

¹⁴⁰ Садуль Ж. Указ. соч., с. 72.

¹⁴¹ Janin M. Op. cit., p. 240.

¹⁴² Carley M.J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January–May 1918: A Reappraisal. — The Journal of Modern History, 1976, v. 48, № 3, p. 414.

¹⁴³ Janin M. Op. cit., p. 231, 240–241.

¹⁴⁴ Садуль Ж. Указ. соч., с. 104.

¹⁴⁵ Janin M. Op. cit., p. 242.

¹⁴⁶ Садуль Ж. Указ. соч., с. 15.

германских войск и встреча наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого с послом Франции Ж. Нулансом 5(18) декабря, во время которой Троцкий стремился выглядеть человеком, способным остановить процессы, при которых «Россия окажется в плену анархии»¹⁴⁷.

Таким образом, Октябрьские события 1917 г. воспринимались как завершение начавшихся ранее процессов дезинтеграции Восточного фронта и развала российской армии. В то же время, они рассматривались и как преходящий эпизод в ходе реализации мер по выходу из ситуации, которые были намечены французскими военными осенью 1917 г.: усиление присутствия Антанты на случай коллапса России (британо-французская конвенция от 23 декабря (н.ст.) была тому очевидным подтверждением¹⁴⁸), поиск «элементов порядка» в российской политической ситуации, а также укрепление «национальных частей». В этом смысле показательна новая задача, поставленная перед Жаненом в декабре — организация частей чехословацкой армии¹⁴⁹.

Подытоживая, можно констатировать, что трансформация французских оценок ситуации в 1917 г. шла под воздействием событий, происходивших в России на фронте и в тылу. Февральская фаза Российской революции и особенно приказ Петросовета № 1 вызвали растущий пессимизм в отношении возможностей российской армии. Несмотря на «отдельные вспышки» оптимизма весной 1917 г. и завышенные ожидания Военного министерства Франции и Главной квартиры, французские представители в России рассматривали возможность летнего наступления русской армии с выраженным скепсисом. Даже его успешное начало не изменило этой тенденции, лишь усугубившейся после немецкого контрудара.

Доминирующим фактором в оценках французских наблюдателей оставалось стратегическое значение Восточного фронта для главного для Франции театра военных действий — Западного. Российская и отчасти румынская армии должны были служить магнитом, притягивающим к себе немецкие и австро-венгерские соединения. Тем самым сокращалось число дивизий противника, воевавших против французских и британских войск.

Французские военные оценки «в центре» и «на местах» часто не совпадали. Если Париж и Компьень хотели наступления на Восточном фронте «во что бы то ни стало», то члены французской миссии в России полагали, что такой подход может привести к обратным результатам: переходу Восточного фронта в «пассивное состояние», и даже заключению сепаратного мира и выходу России из войны.

Важным аспектом, выявленным в результате анализа французских оценок на протяжении большей части 1917 г., стало постепенное перерастание не всегда равноправного союзничества России и западных стран Антанты в подготовку будущей военной интервенции. Показательны в этом смысле не только ранние симптомы интервенционистских настроений — идея французских военных «припугнуть» Петроград, который не мог самостоятельно восстановить воинскую дисциплину, «помощью» Японии, но и постепенная трансформация критики неспособности российских властей эффективно вести войну в намерение взять управление русской армией в свои руки. Ожидания краха России и ее экономической эксплуатации Германией выражались в стремлении Франции самостоятельно или с помощью Японии и США как можно раньше самим организовать такую эксплуатацию. В целом анализ французских оценок ситуации на Восточном фронте позволяет глубже понять и точнее описать историю событий 1917 г.

¹⁴⁷ Попова С.С. Франция и большевистская Россия (1917–1921). Документы из Архива Военного министерства Франции. — Россия и Франция XVIII – XX в., вып. 3. М., 2000, с. 257.

¹⁴⁸ Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006, с. 214–215.

¹⁴⁹ См. личное дело Жанена. — SHD, 9 YD747.